

Наш земляк

- Алексей Сурков

За четыре шага до смерти

Алексей Александрович Сурков родился 18 октября 1899 года в деревне Середнево Георгиевской волости Рыбинского уезда Ярославской губернии. Парадоксально, что его предки были крепостными у бояр Михалковых - тех самых, из которых позже вышел автор гимна Советского Союза.

На третий день после рождения священник церкви села Георгиевского, отец Алексей Лавров крестил младенца по православному обряду. Затем мальчик учился в Середневской школе,

директор которой однажды подарил ему книгу стихов Николая Некрасова. Прочитав ее, Алексей решил стать поэтом... Но между этой мечтой и ее воплощением пролегли годы суровой действительности.

Семья жила бедно, и в двенадцать лет мальчик отправился на заработки в Санкт-Петербург. Там он трудился рабочим в мебельном магазине, был конторщиком, учеником столяра, цинкографом в типографии, весовщиком в торговом порту - а первые стихи опубликовал только после революции в петроградской «Красной газете». Но затем стало опять не до муз: Алексей ушел на фронт биться с белогвардейцами.

В 1922-м он вернулся в родную деревню Середнево, и на первых порах крестьянствовал. Однако любовь к литературе взяла свое, и вскоре Алексей Сурков стал «избачом» - то есть работником избы-читальни в соседнем селе Волково.

(Алексей Сурков в избе-читальне д. Волково)

Он вел большую общественную работу в деревне. Организовал футбольную команду из жителей деревни Волково и проводили товарищеские матчи с командами других деревень не только своего сельсовета. Но и командами района.

(футбольная команда деревни Волково) 1922-1924 годы)

Здесь юношу заметили уже представители новой власти. Губерния очень нуждалась в грамотных управленцах - так что Алексей Александрович стал секретарем волисполкома, затем был переведен в уездный Политпросвет, и

вскоре избран первым секретарем Рыбинской организации комсомола.

Алексей Сурков
(второй справа в
верхнем ряду)
с рыбинской
молодежью, 1924
год

Однако про поэзию при этом не забыл, и в 1924 году стихи Суркова опубликовала официальная партийная газета «Правда».

Как раз в это время губернская комсомольская организация озаботилась созданием своего собственного печатного органа. До этого уже существовала газета «Путь молодежи» - но выходила она урывками, а потому особым спросом у читателей не пользовалась. Поэтому 2 июня 1925 года бюро губернского комитета комсомола приняло решение издавать газету под названием «Северный комсомолец», которой в отличие от предшественницы дали и помещение, и телефон, и штатное расписание. Редактором еженедельника стал бывший ответственный секретарь газеты «Северный рабочий» Александр Афиногенов, известный к тому времени как автор ряда пролетарских пьес.

Первый секретарь Рыбинской комсомольской организации Алексей Сурков горячо приветствовал создание молодежной газеты и поддерживал ее работу. В то время для получения новостей широко использовался труд рабкоров и селькоров, то есть внештатных корреспондентов, которые писали в газету «с мест». И благодаря Суркову в Рыбинске таких людей самого разного возраста появилось немало. Когда он решил сфотографироваться с ними на ступеньках бывшей городской хлебной биржи - все внештатные корреспонденты «Северного комсомольца» с трудом поместились «в объектив».

Алексей Сурков.

Вторая половина 20-х годов

Одновременно Алексей Александрович продолжал совершенствовать свое собственное творчество, и 11 октября 1925 года стал делегатом I Губернского съезда пролетарских писателей. А 7 марта следующего года уже вновь говорил на пленуме Яргубкома РЛКСМ, как сделать интересней губернскую «молодежку». И, образно выражаясь, «договорился». В конце 1926 года руководителя издания Александра Афиноненова отозвали в Москву заведовать литературной частью театра Пролеткульта, а новым главным редактором «Северного комсомольца» назначили как раз Алексея Суркова.

За дело он взялся обстоятельно, и вскоре редакция уже переехала в более приспособленное помещение на ярославской Линии Социализма, дом 5, - а следом началась борьба за тираж. Дело в том, что за первый год существования он у газеты увеличился незначительно и составлял всего 2200 экземпляров. Сурков решил поднять тираж, мобилизовав на работу юнкоры - внештатных корреспондентов из числа учащейся молодежи. Набежало их много, однако и главный редактор был суров, регулярно устраивая разносы прямо на страницах издания, где для переписки с авторами была открыта новая рубрика. «В основу фельетона должен быть положен факт, а у тебя его нет. Кроме того, нет «соли», «изюминки», на которой строится фельетон. Пиши заметки. Если есть стихи или рассказы - присылай. Свяжись с рыбгруппой пролетписателей» - обращался он к юнктору Кустову. «Заметки твои не помещались, очевидно, потому, что не интересны читателям», - честно и откровенно отвечал Алексей Александрович на обиды еще одного молодого автора.

Рыбинские рабкоры, селькоры и юнкоры
газеты «Северный комсомолец». Декабрь 1926 года

Зато те, кто проходил сквозь частое «сито» редакторской критики, становились прекрасными корреспондентами, причем им полагались даже некоторые вольности. Так, Сурков разрешил юнкорам использовать всякие забавные псевдонимы, и на страницах комсомольского издания появились материалы, в подписях которых значилось: «В.Красный», «В.Вольный», «Любимский», «Жук», «Клубный», «Киря Глазастый», «Первомайский», «Гонобоблев», «Болящий», «Альфа», «Комсомолка Вера», «Бурелом», «Пав.Забытый». Располагал к этому, наверное, и сам язык тех лет с его забавными оборотами и сокращениями. Сегодня нельзя без улыбки читать такие названия поставленных редактором Сурковым в номера статей, как, например: «Девушки - будущие металлистки», «Фабзайцы за работой», «Лыжная вылазка пионеров», «Броня не заполнена», «Еврейский молодняк», «Канителют с разрядами» или «Три вопроса Губпрофобру». В любом случае, газета стала боевой, зубастой - и ее тираж уже к концу января 1927 года подпрыгнул до 3900 экземпляров, а сам «Северный комсомолец» стал выходить дважды в неделю. Спустя два месяца у издания было уже 300 юнкоров, и приток новых продолжался.

При этом Алексей Сурков ни на минуту не забывал, конечно, и про поддержку поэтических дарований. Именно по его инициативе в газете появилась рубрика «Литературный уголок», ставшая позже «Литературной страницей», где публиковались стихи и рассказы читателей. Сам редактор продолжал придерживаться полной открытости - и, «зарубив» неудачные стихи, тут же публично, со страниц газеты, объяснял причины в рубрике «Ответы начинающим». Например:

«В. Смирнову. Стихи очень слабы и технически, и по содержанию. Не пиши о том, что самому тебе мало понятно. Избегай рифмовать глаголы: «несутся – попадутся» и т.д. Продолжай писать, но больше работай над стихом, а главное – читай произведения классиков и лучших пролетарских поэтов, и у них учись.»

Лучших молодых поэтов и прозаиков Алексей Сурков, напротив, внимательно отбирал и опекал. Для этого при редакции была создана литературная группа, собиравшаяся по воскресеньям.

Редакторство Алексея Александровича в газете продолжалось полтора года, за которые тираж «Северного комсомольца» достиг почти пяти тысяч экземпляров, и завершилось внезапно. В мае 1928 года ярославские коллеги по перу делегировали Суркова на I Всесоюзный съезд пролетарских писателей - и москвичи, разглядев талантливого поэта, уже не «отпустили» его обратно. Так Алексей Александрович стал одним из руководителей Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП) и членом Литературного объединения Красной Армии и Флота (ЛОКАФ).

В 1934 году он закончил литературный факультет Института красной профессуры и следующие пять лет проработал в журнале «Литературная учеба», где был непосредственным помощником редактора Максима

Горького. Одновременно Алексей Сурков много писал: в тридцатых годах вышли сборники его стихов «Запев», «Последняя война», «Родина мужественных», «Путем песни» и «Так мы росли». Устроилась и личная жизнь: в литературных кругах он встретил красавицу Софью Антоновну Кревс, которая сразу покорила сердце поэта. Их притяжение было взаимным, и свадьба не заставила себя ждать - а в 1938 году Алексей уже с супругой побывал на родине, в рыбинской деревне Середнево.

Алексей Сурков с друзьями
в деревне Середнево Рыбинского района, 1938 год

Алексей Сурков с жителями
деревни Середнево Рыбинского района, 1938 год

В 1939-м труба вновь позвала в бой бывшего пулеметчика Гражданской войны - и Сурков стал участником освободительного похода в Западную

Белоруссию, об итогах которого уже летом рассказал ребятам из пионерского лагеря Рыбинского моторного завода в селе Глебово. А спустя полгода опять оказался уже в должности батальонного комиссара при проведении финской кампании. Это, впрочем, не мешало Алексею Александровичу поддерживать бойцов силой своего таланта. В Рыбинском историческом музее сохранился интересный документ: выданное Суркову 10 февраля 1940 года удостоверение, гласящее, что батальонный комиссар одновременно является «поэтом редакции» красноармейской газеты «Героический поход». Вернувшись, Алексей Александрович выпустил «Декабрьский дневник», запечатлевший трудности суровой зимней кампании и «лица походных друзей».

В мае 1941 года еще ничего не предвещало беды, так что поэт с женой отдыхали в Ялте. Потом приехали обратно в Москву, распаковали вещи, вышли на рабочие места - и тут началась война...

По широко распространенному мнению, первой после нападения Германии на Советский Союз появилась песня «Священная война». Известно, что поэт Василий Лебедев-Кумач написал одноименное стихотворение ночью 23 июня, следующим утром этот текст воспроизвели газеты и композитор Александров переложил слова на свою музыку. Песня в итоге получилась грозная и торжественная, так что когда видишь кинохронику тех дней, действительно на ум приходят строки: «Идет война народная, священная война...». Вот только первыми стихи Лебедева-Кумача на самом деле не стали. Ведь уже к вечеру 22 июня Алексей Сурков подготовил «Песню смелых», которая была переложена на музыку В.Белова и распечатана в виде маленькой брошюры специально для новобранцев.

Нынешняя молодежь этих строк, конечно, не знает, но военное поколение их прекрасно помнит:

ПЕСНЯ СМЕЛЫХ

Стелются черные тучи,
Молнии в небе снуют,
В облаке пыли летучей
Трубы тревогу поют.

С бандой фашистов сразиться
Смелых Отчизна зовет.
Смелого пуля боится,
Смелого штык не берет.

Ринулись ввысь самолеты,
Двинулся танковый строй,
С песней стрелковые роты
Вышли за Родину в бой.

Песня – крылатая птица –
Смелых скликает в поход.

Смелого пуля боится,
Смелого штык не берет.

Тогда же под общим названием «Слава героям Отечественной войны» была выпущена целая серия цветных плакатов, и один из них вновь воспроизводил «Песню смелых» - но уже с иллюстрациями.

В августе 1941 года, после начала наступления немцев на Москву, было решено эвакуировать из столицы около двухсот представителей столичной творческой интеллигенции и их семей в прикамский город Чистополь. Сюда перебрались родные Евгения Долматовского, Александра Твардовского, жена Степана Щипачева, мать Ольги Берггольц, сестры Владимира Маяковского, а также многие члены Союза советских писателей: Борис Пастернак, Мария Петровых, Михаил Исаковский, Николай Асеев... Отправилась в Чистополь и семья Суркова - его жена Софья Антоновна с дочерью и сыном.

Проводив родных, Алексей Александрович отсиживаться в столице не стал, и вскоре прибыл на передовую в качестве корреспондента газет «Красная звезда» и «Красноармейская правда». Работать ему пришлось в коллективе, где общим наставником считался знаменитый Илья Эренбург, а лучшим другом Суркова стал Константин Симонов.

Уже в августе 1941 года Алексей Александрович как корреспондент «Красноармейской правды» писал репортажи из-под Вязьмы, а в ноябре - из села Купчино Ленинградской области.

Алексей Сурков под Вязьмой. Август 1941

года

В жутком напряжении первых месяцев войны, когда враг рвался к Москве, а журналисты армейских изданий часто брали в руки «трехлинейки», и родилась легендарная песня «Землянка».

Ее история и проста, и романтична. Поздней осенью 1941 года стоявшая в обороне под Истрой 9-я стрелковая дивизия получила звание гвардейской, и Политуправление Западного фронта решило свозить туда корреспондентов из газеты «Красноармейская правда». Вместе с группой коллег на передовую отправился 27 ноября Алексей Сурков. Сперва журналисты посетили штаб дивизии, а к вечеру залезли в кузов грузовика и поехали на командный пункт 258-го стрелкового полка, расположенный в деревне Кашино.

Но едва прибыли, как выяснилось, что они находятся на «осадном» положении. Немецкая 10-я танковая дивизия, рвавшаяся на восток по дороге, параллельной Волоколамскому шоссе, «отрезала» командный пункт полка от батальонов - а к самой деревне уже подходила гитлеровская пехота. Начался обстрел из минометов, и корреспонденты «Красноармейской правды» вместе с офицерами засели в блиндаже.

Когда немцы заняли расположенные рядом дома, было принято решение идти на прорыв. Сперва все присутствующие отдали имевшиеся у них ручные гранаты начальнику штаба полка, капитану И.К.Величкину, и тот лично пополз к зданиям. Вскоре послышались взрывы, интенсивность обстрела со стороны врага уменьшилась. Пользуясь этим, вся «блиндажная»

группа стала организованно отходить к речке и перебираться через нее по тонкому льду. Немцы опомнились и открыли огонь из минометов, но журналисты с офицерами благополучно достигли расположенной на другом берегу деревни Ульяшино.

Только здесь выяснилось, что группа прошла невредимой по минному полю. В Ульяшино стоял один из советских батальонов, и штабисты с корреспондентами спустились в землянку. Сурков вспоминал, что все были очень уставшими: «Начальник штаба полка капитан Величкин, тот, который закидал гранатами вражеских автоматчиков, сел есть суп. Две ложки съел и, смотрим, уронил ложку - уснул. Человек не спал четыре дня». Остальные устроились вокруг металлической печи, для «разрядки» от нервного напряжения кто-то взял в руки гармонь... Алексей Александрович сидел с блокнотом, где пытался набросать черновик репортажа. Но этим вечером журналист уступил место поэту, и вместо сухих боевых строк стали рождаться строфы.

Уже ночью Сурков вернулся в Москву, и, по традиции, сел писать письмо жене, взял в руки перо - и вспомнил о событиях минувшего дня. В итоге под заголовком «Тебе - солнышко мое!» на бумагу легли уже родившиеся стихотворные строки, которые затем станут известны как «Землянка»:

Тебе - солнышко мое!
Беру в тиски твои руки
Их тепло мне - как огонь.
И твой мир в землянке
Где землянка была и есть.
И тебе мне читали стихи
В балаганах твоих под Ленинградом
Я жму, чтобы слышалась твоя
Как тобою мной голос твой.
Ты слышишь далеко, далеко.
Меня зовут пурга и снег.
До тебя мне дойти не легко
А до смерти ближе шаг.
Той, гармонью, было не мало.
Займись своим делом.
Мне в окопах землянка твоя
Об моей неведомой любви.

ф. Сурков

24/12 1941.

пер. К. К. К., под Москвой.

Письмо жене, из которого
родилась песня «Землянка»

ЗЕМЛЯНКА

Бьётся в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза,
И поёт мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза.

Про тебя мне шептали кусты
В белоснежных полях под Москвой.
Я хочу, чтобы слышала ты,
Как тоскует мой голос живой.

Ты сейчас далеко-далеко.
Между нами снега и снега.
До тебя мне дойти нелегко,
А до смерти четыре шага.

Пой, гармоника, вьюге назло,
Заплутавшее счастье зови.
Мне в холодной землянке тепло
От моей негасимой любви.

На следующий день письмо отправилось в Прикамье. Эти строки так и остались бы очень личными, совсем не предназначенными для печати, но вмешалась Судьба. В феврале 1942 года из эвакуации вернулся композитор Константин Листов, которого назначили старшим музыкальным консультантом Главного Политического управления. Он получил известность своей мелодией к весьма популярной прежде песне «Тачанка», и командование надеялось, что новые произведения будут не хуже. Для этого Листову требовались хорошие стихи - но как раз в них ощущался дефицит. Текстов для песен создавалось много, однако авторами часто являлись «кабинетные» поэты, которые совершенно не чувствовали фронтовых настроений. Поэтому Листов искал достойные стихи и появился в редакции газеты «Фронтная правда», где к этому времени начал тоже работать Сурков, с просьбой «дать что-нибудь для песни».

Алексей Александрович позже сообщал: «И тут я, на счастье, вспомнил о стихах, написанных домой, разыскал их в блокноте и, переписав начисто, отдал Листову, будучи абсолютно уверенным в том, что хотя я свою совесть и очистил, но песни из этого лирического стихотворения не выйдет. Листов пробежал глазами по строчкам, промычал что-то неопределенное и ушел. Ушел, и все забылось. Но через неделю композитор вновь появился у нас в редакции, попросил у фоторепортера Михаила Савина гитару и спел свою новую песню, назвав ее «В землянке». Всем показалось, что песня получилась. Листов ушел. А вечером Миша Савин после ужина попросил у

меня текст и, аккомпанируя на гитаре, исполнил песню. И сразу стало ясно, что песня «пойдет», если мелодия ее запомнилась с первого исполнения.».

Одним из первых слушателей «Землянки» был писатель Евгений Воробьев, тоже работавший во «Фронтowej правде». Он попросил Листова записать мелодию - что и было сделано на разлинованной от руки бумаге, скопировал текст, и вскоре песня уже разошлась по фронтам.

Справедливости ради отметим, что почти одновременно с «Землянкой» бойцы стали исполнять и еще одно произведение Алексея Суркова. Дело в том, что ему доверили важное задание: написать песню к документальному фильму о разгроме фашистов под Москвой. Когда началось наступление советских войск, вместе с автоматчиками шли кинооператоры. Кадры с передовой поступали в студию, где днем и ночью велся монтаж фильма. К нему нужна была песня, которая раскрывала бы высокий боевой дух советского бойца, его беззаветную преданность Родине. Режиссёр Илья Копалин решил обратиться за помощью к Алексею Суркову, который только что вернулся с фронта. К счастью, у поэта оказалось уже готовое стихотворение, где имелось и динамичное маршевое начало, и строки, которые словно просились в припев. Музыку на этот текст сочинил композитор Борис Мокроусов. В начале 1942 года документальный фильм «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой» вышел на экраны, а прозвучавшая в нем песня отправилась прямиком на фронт.

ПЕСНЯ ЗАЩИТНИКОВ МОСКВЫ

В атаку стальными рядами
Мы поступью твердой идем.
Родная столица за нами,
Рубеж наш назначен Вождем.

Мы не дрогнем в бою за столицу свою,
Нам родная Москва дорога.
Нерушимой стеной, обороной стальной
Разгромим, уничтожим врага!

На марше равняются взводы
Гудит под ногами земля,
За нами родные заводы
И красные звезды Кремля.

Мы не дрогнем в бою за столицу свою,
Нам родная Москва дорога.
Нерушимой стеной, обороной стальной
Разгромим, уничтожим врага

Для счастья своими руками
Мы строили город родной.
За каждый расколотый камень
Отплатим мы страшной ценой.

Мы не дрогнем в бою за столицу свою,
Нам родная Москва дорога.
Нерушимой стеной, обороной стальной
Разгромим, уничтожим врага

Не смять богатырскую силу,
Могуч наш отпор огневой.
И враг наш отыщет могилу
В туманных боях под Москвой.

Мы не дрогнем в бою за столицу свою,
Нам родная Москва дорога.
Нерушимой стеной, обороной стальной
Разгромим, уничтожим врага

Что до уже ходившей по фронтам «Землянки», то ее исполняли не только солдаты и фронтовые творческие коллективы, но и знаменитая Лидия Русланова. Для нее это была не просто песня, а символ любви. Именно после исполнения «Землянки» в апреле 1942 года перед бойцами 2-го гвардейского кавалерийского корпуса под Волоколамском начался роман Руслановой с генералом Владимиром Крюковым.

И вдруг с лета 1942-го на песню был объявлен негласный запрет. Оказывается, некоторые фронтовые цензоры решили, что строки: «...до тебя мне дойти нелегко, а до смерти - четыре шага» являются упадническими и подрывают волю к победе. В августе по этой причине был изъят и почти полностью уничтожен весь тираж грампластинок с «Землянкой» в исполнении Лидии Руслановой, а самому Суркову настоятельно рекомендовали вычеркнуть упоминание про смерть из текста или хотя бы «отодвинуть» ее подальше от окопа. Сделать это поэт отказался. В ответ Главное политическое управление запретило трансляцию песни по фронтовому радио и ее исполнение творческими коллективами.

Сделано все это было тихо, но вскоре слух о том, почему исчезла из репертуара любимая «Землянка», дошел до простых бойцов. В архиве Алексея Александровича сохранилось письмо от шести гвардейцев-танкистов, которые просили: «Напишите вы для этих людей, что до смерти четыре тысячи английских миль, а нам оставьте так, как есть, - мы-то ведь знаем, сколько шагов до нее, до смерти».

Последней хитростью военной цензуры стала самовольная замена «неудобных» строк, сделанная без ведома Суркова. Однако этот вариант вызвал негодование бойцов. Поэтесса Ольга Берггольц, которая провела детство в Угличе, а остальную часть жизни - в Ленинграде, вспоминала, как однажды посетила охранявший морские подступы к городу крейсер «Киров». Когда в кают-компании началась трансляция радиопередачи и была исполнена «Землянка» с «улучшенным» вариантом текста, флотские офицеры встретили это возгласами негодования, выключили репродуктор, а затем встали и трижды исполнили песню с ее подлинным текстом.

В итоге запрет на упоминание «четырех шагов до смерти» формально отменен не был, но на него вскоре просто закрыли глаза.

Сам Алексей Сурков продолжал работать в «Красной звезде», газете Западного фронта «Красноармейская правда», а также в газете «Боевой натиск», и при этом активно заниматься поэтической деятельностью. За годы войны он издал сборники стихов «Декабрь под Москвой», «Дороги ведут на Запад», «Солдатское сердце», «Наступление», «Стихи о ненависти», «Песни гневного сердца» и «Россия карающая».

Почтовая открытка с текстом стихотворения
Алексея Суркова «Песня о Сталине», 1943 год

Кроме того, в 1943-м вышла сурковская «Песня о Сталине», которую разместили на лицевой стороне почтовой открытки в оформлении художницы Елизаветы Кривинской, а в 1944-м появился конверт для писем с

фронта, на котором под девизом «Смерть немецким захватчикам!» был изображен советский солдат и воспроизведен фрагмент стихотворения Суркова:

Где ляжет меткий наш снаряд
Там смерть найдет фашист.
В победный бой с пехотой в ряд
Идет артиллерист.

Летом 1944 году подполковник Алексей Сурков, побывав в командировке, издал книгу очерков «Огни Большого Урала. Письма о советском тыле», а в сентябре посетил Ярославль. Затем он опять отправился в Москву - поэты ждали на обсуждение проекта нового Гимна СССР такие именитые коллеги, как «красный граф» Алексей Толстой, Александр Твардовский и Михаил Исаковский.

Н.Тихонов, С.Щипачев, А.Толстой,
А.Твардовский, М.Исаковский и А.Сурков (справа)
на обсуждении проекта Гимна СССР.
Москва, 1944 год.

Тем временем «Землянка» вместе с фронтовыми частями шла вперед уже по немецкой земле. Из подвалов Рейхстага еще выводили последних сдавшихся гитлеровцев, когда 2 мая 1945 года на его ступенях появилась Лидия Русланова. Все обычно вспоминают, что здесь она исполнила песню «Валенки». Действительно, так и было. Но еще одной песней, которую Русланова исполняла и у Рейхстага, и у Бранденбургских ворот, являлась «Землянка».

Лидия Русланова на ступенях Рейхстага.
Берлин, 2 мая 1945 года.

Сам Алексей Сурков встретил великую Победу уже в тылу, на новой ответственной должности главного редактора «Литературной газеты». Однако тут же откликнулся на долгожданное событие стихотворением «Утро Победы» - его оригинал с подписью автора находится сегодня в Рыбинском музее. Кроме того, 10 мая 1945 года в номере газеты «Красная Звезда», посвященному Победе, он опубликовал стих «Вождь» со следующими строками:

Мы побеждали смерть не раз
Был трудный путь к победе крут
Потомки сталинцами нас
За этот подвиг назовут.

В июне 1945 года Алексей Александрович побывал в Берлине, Лейпциге и Радебойсе, а затем вместе с генералом Василием Чуйковым и поэтом Евгением Долматовским посетил Веймар. Свои впечатления от увиденного Сурков выразил в первом послевоенном сборнике стихов «Я пою Победу».

Алексей Сурков с женой и дочерью.
Москва, 1946 год

Родина не забыла его боевых заслуг - и в 1946 году наш земляк был удостоен государственной Сталинской премии. Затем он редактировал журнал «Огонек», стал председателем Союза писателей, получил еще одну госпремию, много раз избирался депутатом Верховных Советов РСФСР и СССР, выпустил полтора десятка поэтических сборников, был удостоен четырех Орденов Ленина и звания Героя Социалистического Труда...

Многие из провинциалов, вознесенных на столичный олимп, забывали о своей малой Родине. Но не Сурков. Он очень часто бывал в Ярославской области, где встречался с жителями. Только Рыбинск поэт посещал в 1968, 1972 и 1974 годах - причем каждый раз город приветствовал его цветами и полными залами желавшим послушать стихи. В 1976-м Алексею Александровичу было присвоено звание Почетного гражданина Рыбинска. Кроме того, Сурков был избран делегатом от Ярославской области на XXV съезд КПСС, и много лет был бессменным председателем оргкомитета Некрасовского праздника поэзии в Карабихе.

Алексей Сурков. 70-е годы

В 1982 году Алексей Сурков последний раз посетил родной Ярославский край. Он приехал в Карабику на Некрасовские чтения, где стал почетным членом президиума и по многочисленным просьбам собравшихся прочел свое бессмертное стихотворение «Землянка».

Неоднократно А.А.Сурков приезжал на свою малую родину д.Середнево, встречался с жителями деревни и колхоза «Заветы Ильича»

А.Сурков с учителями и руководством колхоза «Заветы Ильича» 70-е годы

А.А.Сурков в Средневской школе. 70-е годы

Алексей Александрович Сурков скончался в Москве 14 июня 1983 года. Его именем были назван новый четырехпалубный речной теплоход, улицы в Рыбинске и Ярославле, а на столичном доме по улице Тверской, где жил поэт, установили мемориальную доску.

Памятник песне
«Землянка»
в деревне Кашино
Тверской области
Но самой лучшей
памятью о нем
остается песня
«Землянка», которую
до сих пор многие
знают и любят. За
последние двадцать
лет она была
включена в
фундаментальные
сборники «500

жемчужин всемирной поэзии», «Три века русской поэзии» и в составленную Евгением Евтушенко антологию «Строфы века». А в деревне Кашино

Истринского района Московской области, где когда-то родились легендарное стихотворение, «Землянке» даже установлен памятный знак.

Работников телевидения сопровождали: дочь Алексея Суркова – Наталья Алексеевна, Владимир Белобородов, сын легендарного генерала армии, дважды Героя Советского Союза, командира 9-й гвардейской стрелковой дивизии Афанасия Белобородова, руководитель молодежной организации «Клуб «ИСТОК» Сергей Лавренко, (истоковцы одиннадцать лет назад установили в д. Кашино памятный знак песне «В землянке») - и наш корреспондент.

Пользуясь «подаренным» солнечным днём, оператор торопился заснять всё, что служило «контекстом» для появления знаменитой песни: дорогу, по которой зимой 41-го двигалась вражеская техника; запечатлённый в обелисках и монументах боевой подвиг народной армии. У деревни Рычково шли кровопролитные сражения, здесь стоит монумент погибшим воинам и сельчанам. А рядом – памятник танкистам, вступившим в неравный бой с фашистами, возведённый истоковцами при поддержке районной и местной администраций, различных организаций и спонсоров. Далее, в деревне Кашино, памятный знак песне «В землянке», также сделанный руками членов клуба.

Когда ребята узнали историю создания песни из книги «Истра 1941» и других публикаций, они смонтировали фильм о «Землянке», - говорит Сергей Борисович. – Потом пришла идея, пока нет памятника, сделать знак. Он скромный, но за эти одиннадцать лет, как он стоит, на нём нет ни одной царапины... Примерно в этом месте, между деревнями Кашино и Дарной,

находился командный пункт 258-го стрелкового полка 9-й Гвардейской дивизии...

По воспоминаниям Алексея Суркова из книги «Истра 1941»: «немецкие танки, пройдя ложиной у деревни Дарны, отрезали командный пункт полка от батальонов... Оставшиеся в деревне бойцы и командиры сбились в небольшом блиндаже, оборудованном на задворках КП у командира полка подполковника М.А. Суханова... Мне с фотокорреспондентом в блиндаже места не осталось, и мы решили укрыться от минометного и автоматного огня на ступеньках, ведущих в блиндаж». Далее Сурков рассказывает, что всем пришлось менять расположение. Под обстрелом, применив «карманную артиллерию» - ручные гранаты - стали отходить к речке. По льду и мёрзлой земле перешли на противоположный берег. Как оказалось потом, они прошли минное поле... Под впечатлением пережитого Сурков, на следующий день в редакции газеты «Красноармейская правда», где он был военным корреспондентом, пишет письмо жене, а в нём строки стиха «Бьётся в тесной печурке огонь», которая в 1942 году становится песней «В землянке». Так её назвал композитор Константин Листов.

Военные песни, как известно, тоже «воевали», они ходили по рукам на обрывках газет, листочках, едва успев родиться. Так и с «Землянкой»: первое время она была запрещена для печати из-за слов «а до смерти - четыре шага», но её давно знали на фронтах, она передавалась из уст в уста, став народной.

- В переписке отца есть письма от гвардейцев с благодарностью за песню и возмущением, что с ней «мудрят», - рассказывает Наталья Алексеевна. Она показывает оператору место – земельный участок у дороги, который выделила администрация района недавно для будущего музея песни Суркова. – Может быть, здесь будет построена и настоящая землянка, - добавляет она. Пока что есть сложности с регистрацией участка. Часть экспозиции: личные вещи, фотографии, книги она передала в истринский «Клуб «ИСТОК», музей в Карабихе, на Ярославщине – родной земле поэта.

Съёмки продолжились на Ленино-Снегирёвском мемориале «Рубеж Славы», около могилы Афанасия Белобородова. Говоря об известных песнях войны, Владимир Афанасьевич рассказал, как в их семье любили петь «Тёмную ночь», «Бьётся в тесной печурке огонь» (т.е. «В землянке»), о Байкале, т.к. отец родом из Иркутска.

Владимир Афанасьевич рассказал о том, как на 41-м километре шли ожесточённые бои, как сибиряки отстаивали в сражении каждую пядь земли. Объяснил работникам ЦТ, что по завещанию Афанасий Павлантьевич похоронен здесь, на истринской земле вместе со своими гвардейцами.

...Детвора резвилась неподалеку, у экспозиции танков: смело изучала их, залезая на броню, усаживалась, как в седло, на стволы пушек, воображая себя в бою. Один только взгляд на громадный ствол орудия немецкого «Тигра» и его широко расставленные гусеницы приводил в смятение. А ведь под него с зажигательной смесью кидались наши солдатики, зная, что погибнут. И

песни им нужны были, как воздух, для поднятия духа, любви к Родине, своим любимым, и ненависти к врагу.

Наталья Алексеевна неоднократно посещала родину отца и встречалась с земляками.

Наталья Алексеевна Суркова- дочь поэта А.А.Суркова, композитор Юрий Евгеньевич Бирюков на родине поэта д. Середнево, у здания Середневской школы.